

О СВОБОДЕ

Д. Милль

1. Свобода и авторитет

Борьба свободы с властью – наиболее заметная черта известной нам истории, особенно в Греции, Риме и Англии. В старое время это был спор подданных и правительства. Под свободой разумелась защита от тирании правителей. Правители (кроме некоторых демократий в Греции) были поставлены в неизбежно антагонистическую позицию по отношению к народу. Власть считалась необходимым, но и весьма опасным оружием, которое можно обратить как против внешнего врага, так и против подданных. Следовательно, нужно ограничить власть правителя над обществом, и это ограничение и есть то, что мыслится под свободой. Ее можно достичь двумя путями. Во-первых, признанием некоторых прав. Во-вторых, установлением конституционных ограничений. Однако приходит время, когда подданные уже не думают, что независимая власть правителей, противоречащая интересам людей, – закон природы. Они предпочитают рассматривать правителей как уполномоченных, которых можно отозвать. Постепенно это новое требование выборной и ограниченной во времени власти становится целью народной партии. Нужно, чтобы правители были из народа, чтобы их интересы и воля совпадали с народными. Правителю, по-настоящему подотчетному, должным образом смещаемому, можно доверить власть. Это будет власть народа, лишь сконцентрированная в форме, удобной для исполнения. Таково мнение, а вернее, чувство, обычное для теперешних либералов в Англии и, видимо, доминирующее на континенте.

Демократические республики заняли большую часть планеты, и выборное и ответственное правительство оказалось предметом анализа и критики как реальный факт. Теперь видно, что слова «самоуправление», «власть народа» не выражают подлинной свободы. Народ может захотеть подавить часть своих сограж-

дан, и нужно защититься от этого, как от любого злоупотребления властью. Итак, ограничение власти правительства не теряет своего значения и тогда, когда носители власти подотчетны обществу (то есть сильнейшей его части).

Сперва тирании большинства опасались (и до сих пор опасаются) главным образом, когда она проявляется в действиях властей. Но мыслящие люди поняли, что общество само по себе тирания, тирания коллектива над отдельными личностями, и возможность угнетать не ограничивается действиями чиновников. Общество вводит свои законы, и, если они неверны или вообще касаются вещей, в которые обществу нечего вмешиваться, возникает тирания куда сильнее любых политических репрессий, и хоть дело не доходит до крайностей, но ускользнуть от наказаний труднее, они проникают в детали жизни гораздо глубже и поработают саму душу. Законов против тирании чиновников недостаточно; нужна защита от тирании господствующих мнений и чувств, от стремления общества навязать свои идеи как правила поведения.

Хотя эту мысль вряд ли оспорят в общем, однако на практике еще не выяснено, как соотносятся индивидуальная независимость и общественный контроль. Значит, нужно установить правила поведения: сначала законы, затем – взгляды на то, что не попадает под их действие. Нет двух поколений, да и двух народов, где бы взгляды на эти правила совпадали, и решения одних паразитичны для других. Однако любой народ, любая эпоха не подозревают, что их правила можно оспорить. Они кажутся очевидными и оправданными. Такова общая иллюзия – один из примеров магической силы привычки, которая не только «вторая натура» (по пословице), но и постоянно принимается за первую.

Эффект обычая не допускает сомнений в правилах поведения, потому что считается излишним объяснять обычай. Доказывать его необходимость не нужно ни другим, ни

